

RU

Синтетическая матрица переводного рассказа И. Бунина «Юный пилигрим»

Богданова О. В., Лю Миньцзе

Аннотация. Статья посвящена анализу переводного рассказа Ивана Бунина «Юный пилигрим» (1931), вошедшего в книгу «Провансальские пересказы». Исследование предпринято с целью осмыслить роль фольклора в формировании поэтического мира бунинского текста, созданного как перевод (точнее, «пересказ») новеллы французского писателя Фредерика Мистрала (1830-1914), нобелевского лауреата (1904). Авторы работы выявляют основные доминанты фольклорного мира рассказа, дифференцируют переводные и оригинальные слагаемые текста, прослеживают тенденции воплощения западноевропейского пространства и особенностей характера и поведения центральных персонажей через призму фольклорной сказки, притчи, легенды. В частности, авторы обращают внимание на «смешение» в тексте переводного рассказа стратегий фольклора и литературы, текста светского и религиозного, принципов искусства визуального и вербального. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые проанализирован рассказ «Юный пилигрим», который прежде не привлекал внимания критиков, и акцентированы разнородные, разностилевые слагаемые исходного и переводного текстов. В результате доказано, что «слабость» переводного рассказа И. Бунина связана прежде всего с зависимостью от художественного мира новеллы Ф. Мистрала, построенной на основе народных легенд и сказаний. Показано, что знание И. Буниным основ и принципов русского фольклора помогло писателю обеспечить совместимость разнородных стилистических стратегий, предложенных первоисточником.

EN

Synthetic Matrix of I. Bunin's Translated Short Story "The Young Pilgrim"

Bogdanova O. V., Liu Minjie

Abstract. The paper is devoted to the analysis of Ivan Bunin's translated short story "The Young Pilgrim" (1931), which was included in the book "Provençal Tales Retold". The research is undertaken in order to comprehend the role of folklore in the formation of the poetic world of the Bunin text created as a translation (more precisely, a "retelling") of a novella by the French writer Frédéric Mistral (1830-1914), Nobel laureate (1904). The authors of the paper identify the main dominants of the folklore world of the short story, differentiate between the translated and original components of the text, trace the trends in the embodiment of the Western European space and the features of central characters' personality and behaviour through the lens of folklore fairy tales, parables, legends. In particular, the authors draw attention to the "mixing" of the strategies of folklore and literature, the secular and religious texts, the principles of visual and verbal art in the text of the translated short story. The research is original in that it is the first to analyse the short story "The Young Pilgrim", which has not previously attracted critics' attention, and to emphasise the heterogeneous, different-style components of the source and translated texts. As a result, it has been proved that the "weakness" of Bunin's translated short story is primarily due to the dependence on the artistic world of F. Mistral's novella, which is based on folk legends and tales. It has been shown that Bunin's knowledge of the basics and principles of Russian folklore helped the writer to ensure the compatibility of heterogeneous stylistic strategies proposed by the primary source.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью осмысления ранее не рассматриваемого критикой переводного рассказа И. Бунина «Юный пилигрим», вошедшего в цикл «Провансальские пересказы» (1931) и созданного как перевод («пересказ») новеллы французского писателя Фредерика Мистрала (1830-1914), нобелевского лауреата (1904). Сопоставительный анализ первоисточника и переводного произведения актуализирует новые смыслы текста, позволяет осознать причину «наивности» рассказа, потому цель исследования представляется нам принципиально значимой.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие задачи: во-первых, рассмотреть персонажную систему рассказа и выявить основные доминанты фольклорной проансальной характеристики, во-вторых, проследить приемы создания «переводной стилистики» рассказа и актуализировать западноевропейский контекст хронотопа бунинского «пересказа», в-третьих, проследить авторскую тенденцию «стабилизации» художественного пространства переводного рассказа в опоре на отечественный фольклор и традиции европейской мифологии.

Для осуществления поставленных задач используются следующие методы исследования: метод целостного анализа художественного текста, а также типологический и поэтологический методы в их единстве и дополнительности. Комплексный подход, предложенный в статье, позволяет открыть новые грани творческого своеобразия и объяснить «слабости» малоизвестного текста И. Бунина фольклорной проансальной.

Материалом исследования послужили прозаическое творчество И. Бунина, цикл «Провансальские пересказы», в частности перевод рассказа Фредерика Мистрала «Юный пилигрим», а также «Дневники» писателя и воспоминания его жены В. Н. Муромцевой-Буниной (Бунин И. А. Собрание сочинений: в 9-ти т. / под общ. ред. А. С. Мясникова, Б. С. Рюрикова, А. Т. Твардовского. М.: Художественная литература, 1965-1966. Т. 1. Т. 4; Бунин И. А. Дневники // Бунин И. А. Полное собрание сочинений: в 13-ти (16-ти) т. М.: Воскресенье, 2006-2007. Т. 9; Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью / сост. и прим. А. К. Бабореко. М.: Советский писатель, 1989; Бунин И. А. Провансальские пересказы // Последние новости. Париж. 1931. № 3577. № 3749. № 3929. 7 января. 28 июня. 25 декабря; Бунин И. А. Пилигрим // Бунин И. А. Собрание сочинений: в 9-ти т. / под общ. ред. А. С. Мясникова, Б. С. Рюрикова, А. Т. Твардовского. М.: Художественная литература, 1965. Т. 1. Стихотворения 1886-1917; Бунин И. А. Юный пилигрим // Бунин И. А. Собрание сочинений: в 6-ти т. / сост., подгот. текста и комм. О. Михайлова. М.: Мир книги, 2005. Т. 2. Повести и рассказы. 1920-1950).

Теоретической базой работы послужили труды по истории русской литературы конца XIX – начала XX века и вопросам своеобразия «малой» прозы И. Бунина (Штерн, 1997; Колобаева, 1990; Сливацкая, 2004; Марченко, 2010; Спивак, 2010; Богданова, Власова, 2021; Богданова, 2021).

Практическая значимость исследования состоит в том, что его аналитические суждения, текстологические наблюдения, результаты и выводы могут быть использованы при дальнейшем научном изучении истории русской литературы и прозаического наследия И. Бунина, могут быть включены в общие и специальные курсы по истории русской литературы XX века в вузовском и школьном преподавании.

Основная часть

История создания переводного рассказа «Юный пилигрим»

Фольклорные особенности рассказов Ивана Бунина носят самый разнообразный характер: это может быть самостоятельный мотив, узнаваемый традиционный образ, фольклорные приемы и стратегии, но может быть и воспроизведение структуры народной сказки, как это продемонстрировано прозаиком в рассказе «Юный пилигрим» (1931).

Между тем «Юный пилигрим» – не самостоятельный рассказ И. Бунина, но перевод одноименной новеллы французского писателя, нобелевского лауреата (1904) Фредерика Мистрала (1830-1914).

Оказавшись во Франции, знакомясь с жизнью и бытом французов, с историей страны и региона, И. Бунин, по воспоминаниям жены, многие сведения черпал из современной французской литературы (Муромцева-Бунина, 1989). В этом плане Фредерик Мистраль оказался в числе фаворитов Бунина и стал одним из любимых французских писателей русского эмигранта. Бунин называл себя «горячим поклонником» Ф. Мистрала (Строев, 2020). В значительной степени это объясняется тем, что Ф. Мистраль вошел в историю французской литературы не только как поэт и прозаик, но и как создатель самого полного до сегодняшних дней словаря окситанского (провансальского) языка, как крупнейший знаток истории и культуры Прованса, полюбившегося Бунину.

В 1931 году И. Бунин даже опубликовал цикл под названием «Провансальские пересказы», в основе которого лежали переводы воспоминаний и отдельных рассказов Ф. Мистрала из его сборника «Истоки моей жизни» / “Mémoires et récits. Mes origines” (P., 1906; одно из современных Бунину изданий – 1929; Félibrige. URL: <http://www.felibrige.org>). Сборник Ф. Мистрала был создан не только на основе воспоминаний писателя, но и в опоре на собранные им народные легенды и предания различных регионов Прованса, записанные у носителей окситанского диалекта, знатоков и хранителей фольклорных сказаний, баллад, анекдотов. Перевод новеллы Ф. Мистрала “Légende provençale” и был осуществлен Буниным в рамках этого «провансальского цикла», первоначально опубликованного в парижской газете «Последние новости» (Бунин, 1931). Кроме «Юного пилигрима» рассказы Ф. Мистрала из сборника «Истоки моей жизни» легли в основу его рассказов «Тараскон», «Волхвы», «Звезды», «Камарг». Заметим попутно, что переводы произведений Ф. Мистрала были осуществлены не только Буниным, но и раньше него В. Жаботинским, И. Анненским, Н. Кончаловской, Ф. Сологубом, П. Сухотиным, А. Сушкевичем (Ястребова, 2014).

В связи с проблемой функционирования фольклора в творчестве И. Бунина интересно понять, как фольклорные мотивы, образы, структурно-композиционные приемы, поэтологические ходы (и др.) проявлялись не только в оригинальном творчестве писателя, но и в его переводных рассказах. К тому же надо отметить, что как в прошлом, так и в настоящем рассказ «Юный пилигрим» обойден вниманием критики – к анализу текста рассказа (перевода-пересказа) исследователи прежде не обращались. Даже упоминания об этом рассказе Бунина можно найти крайне редко (Дынник, 1931; Строев, 2020; Ястребова, 2014).

Очевидно, что в размышлениях о переводном рассказе того или иного писателя самым важным ракурсом, как правило, оказывается соответствие перевода первоисточнику. Однако в нашем случае мы сделаем акцент на самой структуре переводного рассказа и проследим, какие претексты повлияли на художественные особенности перевода, осуществленного И. Буниным. Тем более, что в случае с «Юным пилигримом» (как и со всем циклом «Провансальские пересказы») речи о точном переводе не идет – неслучайно сам Бунин назвал их «пересказами» (Бунин, 1931), делая акцент на некоторой свободе, проявленной им при *пересказе* новелл Ф. Мистрала на русский язык.

Действительно, рассказы из провансальского цикла И. Бунина представляют собой не переводы в привычном понимании слова, но в одних случаях – сжатые и сокращенные переложения легенд, записанных Ф. Мистралем, в других – расширенные пересказы преданий, переосмысленных «по Мистралу». То есть творческое начало в «пересказах» Бунина очевидно и позволяет рассматривать «Юного пилигрима» не только в аспекте успешности перевода, осуществленного писателем, но и художественной ценности пересказанного текста.

Справедливы слова В. А. Дынника (1931), автора предисловия к циклу И. Бунина, о том, что «провансальские пересказы имеют самостоятельную художественную ценность и, кроме того, представляют переводческое мастерство Бунина» (с. 106).

Сюжетно-композиционный принцип сказочной наррации

В сюжетном отношении рассказ И. Бунина «Юный пилигрим» и положенный в его основу текст народной записи Ф. Мистрала просты и непритязательны: престарелый больной отец просит одного из трех сыновей выполнить обещание, данное им в прежние годы Богу, – «сходить в Рим на богомолье» (Бунин, 2005, с. 431). Однако старшие сыновья отказывают отцу в помощи, паломничество соглашается совершить лишь младший сын.

Уже только троекратность просьбы отца и три ответа, полученные героем от сыновей, устанавливают связь с троичным действием в традиционной народной сказке (как русской, так и европейской). Между тем содержание рассказа «Юный пилигрим» указывает на *разнородные* праисторики, которые повлияли на переведенный и, следовательно, пересозданный И. Буниным текст. Сохраняя сюжетную канву записи Ф. Мистрала, Бунин оформляет собственный текст в традиции известных русскому читателю прецедентных образцов, в первую очередь фольклорных.

В целом (пере)созданный И. Буниным рассказ напоминает сказку. И прежде всего обращает на себя внимание название «сказки» – оказавшийся в центре образ пилигрима. Заметим, вслед за Ф. Мистралем Бунин ставит в центр повествования не крестьянина, не работника, не Ивана-дурака, Ганса (или др.), то есть персонажей традиционных народных сказок, а не характерного для сказочного мировоззрения пилигрима, странника, скитальца «по Божьим делам» (Толково-энциклопедический словарь / отв. ред. С. М. Снарская. СПб.: Норинт, 2006. С. 1341). Но именно таковым был центральный герой легенды, зафиксированной французским писателем-собирателем.

Поэтический автопретекст рассказа

Кажется, И. Бунин следует образной системе французского писателя Ф. Мистрала. Но примечательно, что образ пилигрима уже появлялся в творчестве Бунина ранее – речь идет о стихотворении 1908 года «Пилигрим», где героем-пилигримом оказывался престарелый восточный странник, молящийся на берегу моря. Бунин-поэт изобразил тогда сцену вечернего намаза-моления, когда тело, душа, ладони, взгляд странника обращены к далекой заморской «Святой стране». В стихотворении в восточной традиции слезы на щеках пилигрима сравниваются с небесными звездами, а звезды – «со слезами в небосклоне» (Бунин, 1965, с. 328). Главной мечтой странника-пилигрима у Бунина-поэта становится желание героя донести до Всевышнего «одну мечту – о плате / За труд земной...» (Бунин, 1965, с. 328).

В начале XX века мотив странничества и образ пилигрима были достаточно распространены в русской литературе. Образ героя-пилигрима можно легко обнаружить в поэзии В. Брюсова, К. Бальмонта, Ф. Сологуба, М. Лохвицкой, А. Блока, А. Ахматовой, О. Мандельштама, Н. Клюева, С. Есенина и др. (Богданова, Власова, 2021, с. 129-148). Можно предположить, что поэтический «Пилигрим» И. Бунина мог стать данью моде и времени, мотиву (теме) странничества начала XX века и, как следствие, мотиву избранничества, который отчетливо проступал в текстах писателей – современников Бунина. Несомненно, толчком к созданию стихотворения «Пилигрим» мог послужить конкретный претекст или эпизод из реальной жизни (одного из многочисленных путешествий Бунина этих лет), вид молящегося на берегу моря в одной из посещенных писателем стран. Но в любом случае образ странника (путешественника, пилигрима) был не чужд духу времени и, как следствие, образно-поэтическим представлениям Бунина той поры.

В 1931 году при обращении к работе над рассказом «Юный пилигрим» важным, несомненно, оказывается прежде всего то, что И. Бунин был поклонником прозы и поэзии Ф. Мистрала, но, конечно, и то обстоятельство, что в это время писатель уже более десяти лет находился в эмиграции во Франции, мотив странствия/странничества не мог не быть ему близок в той или иной мере.

Между тем рассказ переводной, и, следовательно, собственный голос Бунина-эмигранта ретуширован в тексте – стержень рассказа составляет не мотив тоски по родине, не мотив возвращения в родные места, но мотив послушания, исполнения воли отца (Отца) и выполнения отцовского указа.

Подобного рода нарративный ракурс «Юного пилигрима» снимает представление о связи содержания рассказа с пребыванием писателя в эмиграции – интенция автора первоисточника оказывается иной, тема

родины отходит на фоновый уровень. Ожидаемый образ покинутой родины в тексте бунинского рассказа аннигилируются. Но черты русской народной сказки явно присутствуют в переводе, поскольку, как нам представляется, И. Бунин был очарован провансальским фольклором, оказавшимся в его руках.

Хронотопическая структура рассказа

Хронотоп рассказа «Юный пилигрим», как диктует текст рассказа Ф. Мистрала, европейский. Пространство земли, в которой разворачиваются события рассказа, герои, которые действуют в тексте, изначально репрезентированы как подчеркнуто западноевропейские, хотя и не акцентированно французские. В тексте рассказа упоминаются Рим и «старая романская дорога», что позволяет предположить, что речь может идти о героях-итальянцах. Но, учитывая авторство Ф. Мистрала, можно говорить и о героях-французах, странниках-пилигримах, отправляющихся в далекое пешее путешествие (напомним, по тексту странничество героя И. Бунина заняло два года). Неслучайно и имя центрального героя – Эспери (Espérit) – имя «романизированное».

В отличие от русских фольклорных сказок, на которые, несомненно, должен был ориентироваться И. Бунин, одним из героев рассказа становится старик-воин, в прошлом бывший «неутомимым в походах и битвах», персонаж крайне редкий для русских фольклорных сказаний. В русском фольклоре среди таких сказок могут быть сказки о бравом солдате и глупом генерале, которых, заметим, не так уж много (Мелетинский, 2005; Пропп, 1969). Между тем у Бунина (и Мистрала) социальное противостояние солдата и генерала снимается, тогда как на передний план выдвигается проблема «отцов и детей». Старший и средний сыновья старика-воина отказываются исполнить отцовскую волю, на просьбу отца откликается лишь младший сын, почти «ребенок», искренне любящий своего родителя и желающий ему душевного покоя.

Как и в русских сказках, *зачин* сказочного повествования (по В. Проппу (1969)) связан с тем, что герой-отец трижды призывает к себе сыновей и почти буквально, слово в слово, трижды излагает им свою просьбу. Традиционно сказочный «завет отца» носит однообразный магически-заклинательный характер, словно бы действительно указывая на следование И. Бунина модели привычного сказочного повествования.

В словах, обращенных к старшему сыну, звучит:

«– Слушай, сын мой. Вспомнилось мне, что дал я когда-то, в разгаре одной жестокой сечи, обет сходить в Рим на богомолье. Но ты видишь – стар я стал, как земля. Исполни же за меня это святое дело, дабы я мог умереть спокойно» (Бунин, 2005, с. 431).

Те же слова буквально (с расхождением в минимальных деталях) будут повторены бунинским героем и в обращении к среднему сыну (Бунин, 2005, с. 431).

И. Бунин стилизует сказочное повествование под европейские реалии, под своеобразное звучание речи героев. В обращении героя-отца используются не свойственные стилистике русской сказки обороты: «жестокая сеча», сравнение «стар, как земля», упомянут обет о богомолье в Риме, тем самым актуализируя западное происхождение героев, самобытность их лексического вокабуляра.

Если «заветные» слова персонажа-отца носят устойчивый характер, повторяются от просьбы к просьбе, то ответы сыновей у И. Бунина разнятся. Старший сын отказывается выполнить просьбу отца из нежелания нарушить собственный покой (мотив высокомерия и эгоизма):

«– И что только лезет вам в голову, родитель, – эти паломничества в Рим или я не знаю еще куда! Право, у нас и без вашего Рима достаточно дел. Лежите-ка лучше, как лежали, ешьте, пейте, спите, выдумывайте, что вам угодно, но оставьте нас в покое» (Бунин, 2005, с. 431).

Средний сын мотивирует свой отказ занятостью и озабоченностью объемом урожая, который вскоре необходимо собрать:

«– Отец, через две недели жатва. Надо косить, возить, молотить, потом позаботиться о виноградниках. Старший сын поведет стадо в горы, младший еще совсем ребенок – кто же справится со всеми этими делами, если я отправлюсь шататься по Римам? Ешьте себе, пейте, спите, а нас уж оставьте в покое» (Бунин, 2005, с. 431).

Вновь, в отличие от героев русских народных сказок, персонажи И. Бунина не столько эмоциональны, сколько прагматичны. Они имеют достаточно серьезные мотивы отказа отцу – забота о домашних делах (в первом случае) и урожае (во втором). Элемент прагматической рациональности героев, не свойственный персонажам русских сказок, но характерный, например, для героев сказок братьев Grimm, отчетливо эксплицируется в тексте Бунина. Старшие сыновья – герои отказываются выполнить просьбу отца, поскольку на их плечах лежит груз ответственности за домашнее хозяйство. Но нарекание вызывает не прагматика поведения героев-европейцев, но дерзкая форма ответа сыновей, звучащие в их словах неуважение к отцу и пренебрежение его отцовской волей. Свидетельством тому становятся такие бытовые фразеологизмы, как «что только лезет вам в голову», «паломничества в Рим или я не знаю еще куда», «и без вашего Рима», «шататься по Римам» и др. Бунин маркирует речь европейских героев с помощью понятных русскому читателю устойчивых оборотов, приемов речевой паремии.

Примечательно, что (как и в русских сказках) из трех сыновей героя-старика персональным именем наделен только младший и любимый сын – Эспери («дитя мое» – обращается к нему отец). Имя «Эспери» (Espérit) на русский язык можно перевести как «надежда» (Новый французско-русский и русско-французский словарь. М.: Дом славянской книги, 2018). Подобная этимология имени младшего сына старика-воина вполне коррелирует с той художественной функцией, которую выполняет герой-надежда в рассказе Бунина-Мистрала. Младший сын Эспери является единственной надеждой отца, тем любимым сыном, на которого старый воин может положиться в выполнении обета, данного Богу.

На просьбу отца младший сын отвечает *просто*:

«– Хорошо, схожу, родитель, – ответил Эспери просто» (Бунин, 2005, с. 431).

На вопрос матери, зачем же он согласился, герой лаконично и формульно отвечает: «Воля отца – воля Божья» (Бунин, 2005, с. 431).

Библейские пласты рассказа

Произнесенные Эспери слова о «воле Божьей» привносят в текст пересказываемой И. Буниным сказки Ф. Мистралья мотивы уже не фольклорного, но религиозного, библейского плана. Герой Бунина (вслед за Ф. Мистралем) репрезентируется не *просто* фольклорным героем, выполняющим завет отца, но почти библейским персонажем, исполняющим повеление Свыше. К фольклорной праснове (к ее устойчивой троекратности) Бунин добавляет основу религиозную, усиливающую и дополняющую первоначальную «сюжетную» интенцию отца – «обет сходить в Рим на богомолье» (Бунин, 2005, с. 431).

В фольклорных сказках (русских и европейских) нередко (хотя и далеко не всегда) присутствует мотив противопоставления образов отца и матери. И. Бунин вслед за Ф. Мистралем поддерживает эту антитезу и реализует ее в тексте рассказа «Юный пилигрим». Старуха, как и ее старшие сыновья, не любит своего мужа, не соглашается с его наставлениями и заветами, перечит ему. Старуха и ее старший и средний сыновья открыто противопоставлены образам отца и младшего сына, антитетичная основа традиционной сказки, на константные эпизоды которой указывали В. Я. Пропп (1969) и Е. М. Мелетинский (2005), протупает в стратегии моделирования сказочно-рассказового повествования.

Облик героя, отправившегося исполнить волю отца, портретирован И. Буниным в реалиях западноевропейских координат – писателем воспроизведен образ пилигрима, часто возникающего в изобразительном искусстве Европы. Герой-сын «налил небольшой мех вином из бочки, положил в дорожную суму несколько луковиц и хлеба, взял дубовый костылик, накинул плащ на плечи» (Бунин, 2005, с. 431) и отправился в дальний путь. Образ героя не просто повторен вслед за Ф. Мистралем, но стилизован под живописные портреты пилигримов П. Брейгеля, П. Делароша, Д.-Ф. Каспара или С. Шедрина.

Религиозную составляющую образа героя-странника, героя-пилигрима усиливает изображение поведения персонажа:

«Проходя мимо церкви, он [младший сын] вспомнил, что надо сперва зайти в церковь, отстоять обедню...» (Бунин, 2005, с. 431).

Герой Бунина-Мистралья исполняет святую миссию (наказ отца) и ведет себя благочинно и достойно. Однако эпизод посещения церкви Эспери переключается не с фольклорными ситуациями, разрабатываемыми в русских и европейских сказках, но в литературе – в частности с эпизодом из поэмы М. Лермонтова «Демон». Как помним, в поэме жених Тамары, спешащий на свадьбу, проскакал мимо храма, не зашел в церковь на пути к дому своей избранницы – и потому оказался доступен Демону, который с легкостью избавился от соперника.

В противовес жениху из «Демона» богобоязненный Эспери не только получает благословение Всевышнего, но и заслуживает спутника – «ангела, посланного Богом, дабы охранять его [Эспери] в пути до Рима» (Бунин, 2005, с. 432).

И. Бунин настойчиво аккумулирует представление о духовности персонажа-юноши. Если старшие братья, взывая к отцу, велели ему только есть, пить и спать («Ешьте себе, пейте, спите...» (Бунин, 2005, с. 431)), то младший сын Эспери становится у Бунина воплощением душевной щедрости, святости, сыновней любви и преданности.

По пути следования в Рим (к цели паломничества) Эспери не нарушает никаких традиций – в пути он поет *псалмы*, посещает «все... базилики и часовни» в Риме и только после этого отправляется на поклонение к *папе*. В итоге, согласно сюжету новеллы Ф. Мистралья, богобоязненный герой и любящий сын получает благословение главы Римской церкви.

Сон, который позднее снится персонажу-юноше, позволяет закрепить за ним идею святости и благочинности: Бунин-Мистраль во сне отправляет (-ют) своего героя вместе с отцом в рай, к «вечной славе и блаженству», тогда как старшие братья и мать, как видит Эспери в чудесном сновидении, должны оказаться в аду (Бунин, 2005, с. 432).

По законам фольклорной сказки (согласно наблюдениям ученых-фольклористов), на данном этапе развития действия нарративный план сказки-рассказа мог бы (должен был) быть исчерпан, мог достичь своего завершения. Младший сын выполнил наказ отца, завершил свою миссию.

Однако И. Бунин не только не завершает, но, наоборот, продолжает повествование, развивает и дополняет сюжет, формируя его теперь уже не по законам фольклора, но согласно стилистике религиозного предания. И в данном случае сюжетный нарратив Бунина-переводчика, воспринятый от Ф. Мистралья, начинает напоминать знаменитую притчу о блудном сыне.

Законы экфрасиса вновь вступают в силу – И. Бунин снова (как и в случае с визуальным обликом пилигрима) порождает в литературном тексте аллюзии к зрительным образцам западноевропейской живописи, в частности к изобразительному воплощению сцены возвращения блудного сына в дом отца (например, в исполнении Рембрандта). Если для француза Ф. Мистралья и его сказителей-информаторов подобная образно-стилевая доминанта была органична, проистекала из древних европейских сказаний и легенд и питалась сходными сценами из литературы, то для русского писателя Бунина подобный ракурс был скорее культурологичен и экфрастичен, что и отразил бунинский текст.

В ходе перевода новеллы Ф. Мистрала И. Бунин напрямую не смешивает сказку и притчу, но влияние последней на бунинское повествование становится все более очевидным. У Бунина, как и в известной западно-европейской притче, младший сын возвращается в дом родителей тоже неузнанным, но его появление в родном доме – это не констатация выполненного наказания отца (ожидаемый финал «сказки»), но развитие и продолжение собственного – жертвенного – предназначения. Герой Мистрала-Бунина (согласно словам Господа, наставлявшего героя во сне) намерен истязанием собственной плоти искупить земные грехи матери и породить надежду на ее небесное прощение.

Как видно, И. Бунин (а точнее, провансальское сказание) отходит от традиции собственно сказочного повествования, но дополняется образно оформленными религиозными мотивами и тем самым трансформирует сюжет исходно-фольклорной наррации, насыщая ее элементами библейского претекста. Теперь в сюжетной схеме важным оказывается не только мотив исполнения воли/наказания отца, но и намерение пересоздать образ жертвенного младшего сына, идущего на смерть ради других.

Обратим внимание: вначале повествование-пересказ имело сказочно-фольклорные стратегии, позже трансформировалось в притчу о блудном сыне, к финалу повествования легенда Ф. Мистрала почти приравнивает героя к образу (пред)христианскому. Сказочно-притчевая история героя Эспери последовательно в пересказе И. Бунина приближается к библейскому сюжету о сыне Отца Небесного, к истории Христа, пожертвовавшего собственной жизнью ради спасения человечества. Неслучайно в переводе Бунина появляются детали Вифлеемской истории – последнюю ночь бунинский герой проводит «в хлеву» «среди скотины» (Бунин, 2005, с. 433), вызывая прямые ассоциации к истории рождения Христа.

Условно уже три претекста работают в тексте И. Бунина и Ф. Мистрала, наследуя синкретическое начало народного сознания, легко микширующего фольклор, мифологию, Библию и др. Потому и финальное завершение рассказа, которое воспроизводит Бунин, носит совершенно неожиданный и далекий от фольклорного или религиозного (в частности, христианского) канона характер.

«А наутро она [мать] вместе с двумя другими своими сыновьями пошла убирать скотину – и увидела: хлев весь залит светом; странник, мертвый, неподвижный, бледный, озаренный четырьмя горящими свечами, лежит на блестящей золотом соломе; паутина на балках сияет подобно алтарному убранству; очарованные быки и мулы стоят с полными слез глазами; воздух благоухает ароматом фиалок; лик почившего полон торжества и блаженства, в руках же почивший держит бумажку, записку:

– Я Эспери, сын ваш» (Бунин, 2005, с. 433).

Как видно, финал рассказа Ф. Мистрала в переводе И. Бунина, с одной стороны, чрезмерно пышен, золотист, образно неожиданным, с другой стороны, по сути своей весьма наивен и алогичен (в духе простонародных сказаний). Герой, который должен был обрести покой для отца и спасти от ада пламени мать, неожиданно сам становится центром повествования, не оставляя возможности понять, обрел ли покой отец и попадет ли мать героя в рай. Встречи с отцом у возвратившегося «блудного сына» так и не случилось (этот микросюжет выпал из фабулы рассказа). Сюжетные нити повествования оказались рассредоточенными; единой логической, мотивной, образной, идейной цепи в рассказе не сложилось. Записка в руках «позолоченного» сына выглядит чужеродной и избыточной. Золотое свечение, воспроизведенное Буниным вслед за Ф. Мистралем, скорее напоминает буддийские образы, чем христианские, изначально заданные поэтикой рассказа.

Однако понятно, что подобный алогизм и искусственность не могли не быть замечены тонким и взыскательным И. Буниным. Но все-таки наряду с «Тарасконом», «Волхвами», «Звездами», «Камаргом» он выбрал «Юного пилигрима» к «пересказу», словно бы умиляясь мощи наивного воображения провансальских сказителей, простых сельских жителей, донесших до Ф. Мистрала образцы народного фольклора. Бунин, как видно, восхищен способностью народного сознания «соединить несоединимое», смешать воедино фольклор, Библию, древнюю притчу и сказку. Писатель с явным удовольствием пересказывает французскую сказку-предание, демонстрируя свою приверженность фольклору – русскому или (в данном случае) французскому.

Заключение

Таким образом, ориентация И. Бунина на исходный текст Ф. Мистрала, как видно, сыграла свою существенную роль. Едва ли Бунин, выросший в традиции русского фольклора и русской классической литературы, создавая оригинальное произведение, допустил бы такое «смешение» – сказочно-фольклорного, притчeveго, библейского, языческого, христианского, буддистского. Однако «горячее поклонение» Фредерику Мистралу, любовь к его французской поэзии и прозе, к его историографическим очеркам Прованса и тем народным легендам, которые записал собиратель, подвигли Бунина к очевидной «зависимости» от первоисточника, от версии оригинальной «неорганизованности» народного фольклорного текста, его наивности и алогичности. Синтетический взгляд французского писателя и его сказителей-информаторов подтолкнули Бунина к еще одному способу вовлечения фольклора в текст – к его творческой имитации, реализованной в виде свободного «пересказа» бытующего в народе Прованса (пра)источника.

Говоря о перспективе исследования, можно заметить, что в дальнейшем было бы важно провести непосредственный текстуальный анализ новеллы Ф. Мистрала и ее дословного перевода, который (в свою очередь) может быть сопоставлен со «свободным» пересказом, осуществленным И. Буниным, и на этом материале уже более детально проследить способы влияния фольклора на «переводной» текст Бунина. Однако,

как уже было сказано выше, рассказ «Юный пилигрим» и на этом уровне продемонстрировал еще один способ ориентации Бунина на фольклор, на особый способ привлечения фольклора к художественному творчеству.

Источники | References

1. Богданова О. В. «Темные аллеи» и другие рассказы И. А. Бунина. СПб., 2021.
2. Богданова О. В., Власова Е. А. «Иногда чувствую себя Шекспиром...» (интертекстуальные пласты «Пилигримов» И. Бродского) // Научный диалог. 2021. № 8.
3. Дынник В. А. Предисловие к «Провансальским пересказам» Бунина. М., 1931.
4. Колобаева Л. А. Концепция личности в русской литературе рубежа XIX-XX вв. М., 1990.
5. Марченко Т. В. Опыт архетипического прочтения рассказа «Руся»: к интерпретации поздней бунинской прозы // Ежегодник Дома русского зарубежья. М.: ДРЗ им. А. Солженицына, 2010.
6. Мелетинский Е. М. Происхождение сказок о младшем брате и их роль в формировании сказочного эпоса // Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М. - СПб.: Традиция, 2005.
7. Пропп В. Я. Морфология сказки. М.: Наука, 1969.
8. Сливицкая О. В. «Повышенное чувство жизни»: мир Ивана Бунина. М., 2004.
9. Спивак Р. С. Энергожизнь рассказа И. Бунина «Темные аллеи» // Вестник Пермского университета. Серия «Российская и зарубежная филология». 2010. Вып. 4 (10).
10. Строев А. Ф. К вопросу о восприятии И. А. Бунина во Франции в 1933 г. // Литературный факт. 2020. № 2 (16).
11. Штерн М. С. В поисках утраченной гармонии. Проза И. А. Бунина 1930-1940-х годов. Омск, 1997.
12. Ястребова Ю. В. Фредерик Мистраль. 100 лет признания // Древняя и новая Романия. 2014. Вып. 14.

Информация об авторах | Author information

RU Богданова Ольга Владимировна¹, д. филол. н., проф.
Лю Миньцзе²

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург

² Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

EN Bogdanova Olga Vladimirovna¹, Dr
Liu Minjie²

¹ A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg

² Far Eastern Federal University, Vladivostok

¹ olgabogdanova03@mail.ru, ² 1048795611@qq.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 27.10.2022; опубликовано (published): 30.12.2022.

Ключевые слова (keywords): И. Бунин; рассказ «Юный пилигрим»; цикл «Провансальские пересказы»; система героев; фольклор; I. Bunin; short story "The Young Pilgrim"; cycle "Provençal Tales Retold"; character system; folklore.